

Помню и требую
1915-2015

100-лет геноциду армян в Османской империи

Дорогие друзья! 24 апреля 2015 года армяне всего мира вместе со всем прогрессивным человечеством отметили столетнюю годовщину геноцида армянского народа в Османской Турции. На фоне сегодняшних политических событий ответственность Турции за геноцид армян относится к ключевым вопросам правосудия.

С признанием ответственности государства за геноцид прямо и непосредственно связан вопрос о принятии мер по ликвидации тяжелых последствий. Сегодня Турция всячески пытается уйти от ответственности за содеянное, помешать подведению логической черты под прошлым и строительству новых цивилизованных отношений в будущем.

Мы не раз обращались к теме геноцида армян, и сегодня, спустя сто лет, на страницах нашей газеты продолжаем проект «Помню и требую». Эти слова стали девизом всех мероприятий, посвященных 100-й годовщине геноцида армян в Османской империи 1915 г., а символом-эмблемой цветков незабудки.

Цель нашего проекта – публикация малоизвестных документов, свидетельств очевидцев, которые, на наш взгляд, не только еще раз подтверждают ответственность турок и Турции за содеянное, но и способствуют торжеству права и справедливости, устраняют возможность рецидива, расчищая путь к нормализации отношений на основе норм международного права.

Дорогие читатели! Если у вас в домашних архивах сохранились документы, фотоматериалы, письма, дневники, повествующие о тех трагических событиях, просим вас предоставить их нам для публикации, чтобы сделать их достоянием общественности, тем самым внести свой личный вклад в дело признания Турцией величайшего преступления против человечности.

Проект «Помню и требую» в нашей газете продлится до конца 2015 г.

Дневник солдата

шел по делам, порученным мне, в полковую канцелярию. Постепенно Кара-Килисы стал оживать, появились разные торговцы, открыто много лавок и магазинов. Ярко бросают-

ся в глаза палатки «земского союза», устроившего здесь лазареты, госпитали, бани и т. п. Всюду чистота и образцовый порядок. На душе становится отрадно, видя живую деятельность Русского земского союза, приносящего большое облегчение воинам заболевшим или раненым. Хорошее и доброе отношение ко всем. Заведует отделом дочь Льва Николаевича Толстого княгиня Александра Львовна.

2 мая. Я понес в Кара-Килису полевую почту, сдал около десяти денежных переводов, которые поручили мне наши солдаты для отправки на родину. Затем купил для роты сахара и еще кое-что, получил 49 посылок (в числе которых была одна моя в 36 фунтов). Все это погрузили на арбу и выехали из Кара-Килисы около 12 часов дня. Было жарко. Проезжая мелкие речки, буйволы ложились в воду, так как им было жарко, да вообще они жару не переносят и любят в лето ложиться в лужу или воду. К 5 часам мы доехали к Челканам. Меня встретил Ваган, которому я привез посылку и письмо, переданное мне торговцем от невесты Вагана из Эривани. Так как нам еще оставалось ехать до Хошиана более десяти верст, то мы решили заночевать в Челканах. Меня пригласил к себе Ваган и угостил чаем с молоком, немного закусили, и уже к 8 часам я лег отдохнуть. Ноги порядочно устали и давали знать о себе, но постепенно я забылся и уснул. Однако спать долго не пришлось... Все тело кусали и как иглами кололи эти назойливые бессовестные блохи. Некоторое время я стойко терпел, думая, что блохи, утолив свою жажду моей кровью, оставят меня в покое, но не тут-то было. Тело все горело от укусов, в особенности руки и ноги, и я вынужден был позорно бежать от этих невидимых врагов. Было не более 2-х часов ночи. Я ходил по деревне в ожидании рассвета и около 4 часов утра разбудил Павла Зюгина, который вновь нагрузил арбу посылками, запряг буйволов, и мы уже около 5 часов тронулись из Челканов. К 8 часам утра 3 мая прибыли в Хошиан. После обеда я вскрыл свою посылку и был очень удовлетворен этим, так как у меня была чудная закуска, сласти, паша и многое другое. Хотя уже прошло Вознесение, но для меня только начиналась Пасха. Наша стоянка в селе Хошиан ничем новым не окрасивалась, дни шли скучно, погода стояла переменная, несколько раз на день лил дождь, а затем снова светило солнце. Появлялись жители, прибывшие из Эривани, беженцы из Хошиана и других местечек. 5-го мая из полка были присланы для всех рот по одной двухрядной гармонии фирмы «Адлера» и по одному бубну, для развлечения и игры в свободное от занятий время. Нашлись и играющие. По вечерам уже заметны большие группы солдат, где весело играют на гармонии, и находится много любителей потанцевать. Пляски задавались вовсю, местами некоторые подпевали песни. Таким образом, в среду нашей однообразной боевой жизни было внесено веселье и развлечения от появившейся гармонии. 7-го числа в Хошиан пришла Ставропольская пешая дружина. Она расположилась биваком на высоте рядом с армянскими кладбищами. Стало оживленнее и веселее. 10 мая в Хошиан приехал наш полковой казначей и привез солдатские переводы и деньги за недополученное на завтрак сало с 18-го августа по 11 декабря 1914 года. Получил и я перевод в 10 р. от Ашхан.

11-го мая из Тифлиса приехал командир наш из командировки и сам лично вечером выдавал всей роте деньги за сало.

12 мая. Я был назначен командиром роты в Кара-Килису по некоторым делам, а также нужно было сдать в полк деньги и отправить переводы нижних чинов, которые имели излишек денег и желали их отправить своим семьям и родным.

(Начало в №№ 11 (218) – 3 (222))

24 марта. 3-й день Пасхи. В 6 ч. утра была получена вр. ком. ротой прапорщиком Морским телефонограмма от командира 2-го батальона о наступлении турок на Клыч-Гадукский перевал. По приказу командира батальона наша рота была оставлена в резерве, но спустя час от начала боя первая полурота была вызвана на перевал, а полурота осталась на месте. Турки заняли дальние вершины с левой стороны перевала, и ими был открыт сильнейший огонь по нашим. Но много пуль, перелетая через вершины, занятые другими ротами, попадали в место стоянки нашего бивака. Укрыться было негде, и мы ходили по биваку, шутя и делаясь впечатлениями боя. Турки, видно, с самой ранней зари успели занять позиции и старались обойти наш левый фланг. С утра же погода изменилась, дул холодный ветер, было пасмурно, шел мокрый снег, время от времени заходил на горы густой туман, и тогда на время стрельба утихла. По прояснении же тумана стрельба снова учащалась. Часто раздавались орудийные выстрелы, производимые с наших позиций по цепи неприятеля. Турки дружно переходили с хребта на хребет и постепенно сближались, наши выжидали удобного обстрела. 2-й взвод нашей роты был выслан на левый фланг нашей цепи в распоряжение 6-й роты, которая и приняла участие в бою. Когда неприятель был уже на предпоследней вершине, наши цепи открыли по ним меткий огонь, тут затрещали наши пулеметы... Турки, по-видимому, пуль не ждали и буквально засыпали частым огнем. Но безрезультатно. Они делали перелет, и много пуль шлепалось между нашим биваком. Были прострелены многие палатки, однако вреда никому не причиняли. Пули шлепались с большим визгом и были все свинцовые, и не дай бог получить рану от этих пуль, которые приносят невыносимую боль. Попадая куда-либо в кость, они совершенно раздробляют ее. Не раз пули засыпали мне лицо землей, шлепнувшись впереди или поблизости. Вскочишь и перебежишь на другое место... Бой длился до 5 часов вечера, турки видно старались атаковать наш левый фланг, но, неся большие потери от нашего огня пулеметов и горных орудий, стали перебегать назад и постепенно удалялись с высот. Потерь у нас не было, за исключением двух случаев, когда наши солдаты, проходя по гребням гор, сорвались и по скользкому снегу катились с крутой горы до препятствия шагов по 200 или 300. Один отделался легкими ушибами, а другой повредил кисть руки и содрал кожу на одной ноге и, ударившись о большой камень, сломал штык и расколол [...] винтовки. Сейчас же им оказали помощь и отравили в Чурук.

В 7 часов вечера, когда возвратилась с перевала наша первая полурота, я был назначен по делу идти в Кола, к месту нашей стоянки. Вышел я из бивака в 7 часов вечера и, пройдя горные тропы, вышел на равнину. Уже стало темно, под ногами не было видно ничего, и была грязь, а идти по снегу было невозможно, так как проваливался... К тому же шел мокрый снег почти весь день и вода местами доходила до колен. Словом, с большим трудом я один, среди темной ночи плелся с бивака в Кола, куда и пришел к 10:30 часам ночи. Промок, как говорят, до ниточки, в сапоги набрал через голенища полную воды и устал изрядно. Придя в свою землянку, я сначала затопил дровами железную печь, затем снял с себя мокрое белье и одел чистое. Согрелся около печки, товарищ принес мне котелок воды, и я вскипятил себе чаю. А пить хотелось, просто душа высохла, и я с жадностью один выпил весь котелок чая. Затем мне что-то вспомнилось свой дом и родные, которые в этот момент, наверное, спали в су-

хой чистой комнате и на мягких постелях... вспомнил и свою молодую любимую мою жену Шушанну, с которой мне так скоро пришлось разлучиться... Хотя я и лег отдохнуть, уснуть, но мысли разные приходили мне в голову и не давали спокойно уснуть. Провертелся почти до часа ночи, когда и уснул... Впоследствии я узнал, что в этот самый вечер у нас дома были крестины... Бог послал мне дочь, которую прозвали Лусикой.

8 апреля. После обеда я с фельдфебелем Михаилом Афанасьевичем Мащенко ездил верхом в село Чурук, в штаб полка,

этот день был отправлен в Кара-Килису наш полуротный прапорщик Марский на верблюдах, так как заболел тифом. 27-го марта, по выздоровлению из Эривани прибыл в роту прапорщик В. М. Оганянц, который временно был прикомандирован вместо Караханова к 7-й роте. Стало скучно мне, и я оставался как сирота, ушли от нас наш фельдфебель Меликов, и не было нашего командира роты штабс-капитана Семенова, с которым я так свыкся и теперь скучал.

22 апреля. Погода опять плохая – то снег, то дождь, и холод без конца, просто

для сверки дневника. Там писаря дали мне письмо-открытку. По возвращении через 2 часа в Кола я прочитал это письмо, которое прислано моей мамой Анной, где она меня поздравляет с дочерью. Эта новость очень меня обрадовала, и я рад был, что Шушанна благополучно разродилась девочкой 19-го марта 1915 г. Хотя мне это услышать было приятно, но я сожалел, что не мог присутствовать в такой великий и трогательный день, когда я сделался отцом и Бог послал мне первое дитя. Ведь эта радость великая для каждого семьянина. Но обстоятельства военного времени не позволяли мне принимать участие в радостях, посланных Богом для всей нашей семьи и меня из-за рождения первой моей дорогой дочери Лусики. В душе я поблагодарил Бога и просил о ниспослании ей полного здоровья и счастья, а мне, чтобы благополучно когда-либо увидеть свое дитя и свою дорогую жену, мать, бабушку, братьев и сестер. Из последующего письма Сережи я узнал, что крестины состоялись 24 марта 1915 г. и кумом был Сергей Акопович Аракелов.

19 апреля. С наступлением апреля месяца погода изменилась к худшему, стало сыро, холодно, и ежедневно почти шли дожди. 19-го апреля в 9 часов утра при ясной погоде мы и 7-я рота выступили из Кола через Султан-Абат на Чурук. Через реку Тарьян-Су нас перевозили на лошадях казаки. Из Чурука выступили на село Хошиан. По дороге мы встретили 4-й батальон, который направлялся к селению Кола. Пришли мы в село Хошиан к 6 часам вечера и расположились по квартирам. Не лишне отметить, что 5-го февраля по приказанию командира полка бывший наш фельдфебель Т. К. Меликов был отправлен из роты в село Зиро за старшего в 1-й взвод дивизии обоза 66-й пехотной дивизии. Привыкнув к нему, мне с первого раза было скучно. На место его был назначен вр. ком. ротой Карахановым фельдфебель Мащенко. В